

Россия всегда наблюдала за событиями на Ближнем Востоке издали, отстранившись от участия в событиях. Сторонним наблюдателем она остается и сегодня, поглощенная собственными проблемами. Эрик Уолберг рассказывает о тех последствиях, которые могут иметь для России охватившие Ближний Восток подлинные и мнимые революции.

Российская политика в смятении из-за восстаний в арабском мире, и особенно из-за революции в Египте. Те, кому надоела все более самовластная политическая система страны, надеются, что российские граждане получат мощный заряд энергии. А те, кто после распада Советского Союза оказался на вершине власти, опровергают возможность каких-либо последствий для российской политики.

Нежелание российских властей пойти за ветром перемен на Ближнем Востоке резко контрастирует с реакцией остального мира и очень многое говорит о реальном состоянии политики в России. Вторжение в Ливию возродило призрак британского/ французского/ итальянского/ американского империализма на северном побережье Африки – и это событие не может радовать Россию. Волны египетского цунами сметаю сегодня коррумпированных и авторитарных политиков и их близких друзей из мира бизнеса, и здесь не нужны ни французские ракеты, ни американские и израильские беспилотники, что еще больше тревожит Кремль. И там нет ничего общего с Чечней и Дагестаном, где в результате мирной народной революции на манер египетской насилие может только усилиться.

Отсутствие энтузиазма это естественная внутренняя реакция отторжения со стороны руководства. И тому есть веские основания, ибо несмотря на очень разную культуру и историю, простые россияне оказались во многом в такой же ситуации, как и египтяне до 25 января. Постсоветская политика в России не давала им реальной возможности во всеуслышание заявить о своих интересах и чаяниях, что весьма мрачно продемонстрировали события 1993 года, когда Ельцин силой разогнал парламент; а затем события 1996 года, когда коммунист Геннадий Зюганов победил в ходе президентских выборов, но не был допущен до власти в результате махинаций ельцинской клики и ее западных спонсоров.

С тех пор действующие в духе Макиавелли «политтехнологи» кормят народ похлебкой, названной Иваном Крастевым (Ivan Krastev) «суверенная демократия». Это варево из «управляемой демократии и национализма» является антидотом от опасного сочетания народного давления снизу и международного давления сверху, которое смело посткоммунистические режимы на Украине, в Грузии и Киргизии в результате так называемых цветных революций.

Политической элите удалось избежать участи этих режимов. Она упрочила власть дуумвирата Путина-Медведева, но одновременно вернула Россию к недемократии советского периода, заменив социальное обеспечение и антиимпериалистическую внешнюю политику коммунистов незначительной долей плюрализма. Арабская весна это не липовая цветная революция, и происходящее в Египте пугает российскую элиту

- как сторонников националистически настроенного Путина, так и тех, кто поддерживает еврофила Медведева. Хотя Путин со своим скандальным заявлением о крестовом походе Запада против Ливии и противоречит президенту, мало кто в России воспринимает эту размолвку всерьез.

Их соперничество может добавить пикантности и остроты российской политике, но основные ингредиенты пресловутой похлебки останутся неизменными. Медведев стремится реализовать программу «западников», а Путин ведет оборонительные действия в арьергарде, время от времени восхваляя советское прошлое и осуждая западные угрозы и вторжения. На самом деле, как отмечает Израэль Шамир (Israel Shamir), «между народным гневом и московскими толстосумами стоит один Путин. Россияне знают, что олигархи и высокопоставленные кремлевские руководители прекрасно устроились в западной капиталистической схеме: свои деньги они хранят на Багамах, детей посылают учиться в Оксфорд, дома покупают на Ривьере и в Хэмпстеде, а акции – у транснациональных компаний. И вместе со своими западными друзьями они обирают россиян как липку».

Дуэт Медведева и Путина – конструкция неразборная. Если один уйдет, зашатается вся постсоветская система устройства России. Элита, которую они вместе представляют, имеет все основания бояться того примера, который подали египетские революционеры. Но в охвативших арабский мир беспорядках есть один важный положительный момент для потенциальных российских «западников» в Кремле. Еще несколько месяцев тому назад натовские визиты на Украину и в Грузию ставили в неловкое положение сторонников американо-российской «перезагрузки». Но взрывы бомб в Ливии и гранат со слезоточивым газом в Йемене и Бахрейне заглушили призывы к расширению НАТО в восточном направлении. Николас Гвоздев (Nikolas Gvosdev) объясняет это так: «И Россия, и Польша чувствуют, что эта операция (в Ливии) может оказаться поворотным моментом в направлении движения Североатлантического альянса».

НАТО больше не продвигается на восток и не угрожает России, которая сегодня стала сговорчивее, поскольку, сохраняя свою гегемонию в «ближнем зарубежье», она не представляет угрозы Западной Европе.

Поэтому-то российский представитель в Организации Объединенных Наций Владимир Чамов (*так в тексте, Чамов бывший посол в Ливии – прим. перев.*) и отказался наложить вето на резолюцию №1973 Совета Безопасности ООН, которая является откровенным трюком с целью свержения Муаммара Каддафи под лицемерным и банальным лозунгом ООН об «обязанности защищать». В последний раз Россия воспользовалась драгоценным правом вето в ООН в 2008 году, чтобы не допустить принятия санкций против Зимбабве, а ранее в 1999 году (что более известно), чтобы предотвратить бомбардировки Сербии. Резолюция по Ливии была столь же цинична, как и решения по этим странам, но при голосовании по ней Россия лишь воздержалась (а Китай просто последовал ее примеру, дабы не остаться в одиночестве).

Российский народ настроен резко против этой операции. Ее даже называют в Москве

«Косово-2». Для русских «интервенция Запада она и есть интервенция Запада, одна из многих, которые они испытали на себе», пишет Шамир.

Другая загадка здесь заключается в том, почему Польша и Германия отказались присоединиться к операции в Ливии. Ответ заключается в последствиях этого нового натовского проекта для Европы, а также в той центральной роли, которую в нем играет Николя Наполеон (пардон, Саркози). Если Россия одобрит перемещение НАТО с восточного на южное направление и сблизится с Западом, Польша утратит свою значимость прифронтового государства, которое «держит русских на привязи». Поэтому такое развитие событий Варшаву не радует. Что касается Германии, то она, в отличие от Франции, стремится осуществлять экономическую экспансию в восточном направлении, чтобы объединиться с Россией в составе широкой евразийской ассоциации, где Берлин будет играть первую скрипку. Германия с самого начала с подозрением относилась к Средиземноморскому союзу Саркози, который тот сметал на живую нитку в 2008 году. И она, как и Польша, выступает против натовской интервенции в Ливии.

Средиземноморский союз объединяет с ЕС все страны Средиземноморья, включая Израиль, но исключая Ливию. В то же время, НАТО проводит в жизнь Стамбульскую инициативу сотрудничества (Турция + Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (СССПЗ)), а также схему СССПЗ+4 (четверка это Египет, Иордания, Ирак и США). Последнее объединение назвали в 2007 году «ближневосточным НАТО», преемником «Средневосточной оборонительной организации» (MEDO), созданной в начале 1950-х годов в составе Египта, Ирака, Турции и других стран.

Такой сдвиг имеет смысл как для Европы, так и для США. Война в Афганистане проиграна, и вскоре эту страну придется оставить полностью. Гораздо разумнее вкладывать деньги и усилия в средиземноморский регион, подключать Израиль и (даст бог) Ирак, когда эта новая MEDO наберется сил. Вторжение в Ливию это как раз тот момент, который вдохнет в НАТО новую жизнь. Новая военная структура армии США – Африканское командование AFRICOM будет радо помочь в этом деле. Соединенные Штаты уже думают о том, чтобы послать наземные войска на помощь ливийским повстанцам; а когда застрявший в грязи Каддафи уйдет, то - кто знает? – может AFRICOM найдет в Триполи свой новый дом. Африканское командование до сих пор сидит в Германии, поскольку ни одна африканская страна не осмелилась предложить ему местожительство.

С точки зрения французов, такой уход от «раскола Восток-Запад в сторону моста Север-Юг», как его называет Гвоздев, позволит одним выстрелом убить не менее трех зайцев. Данный маневр избавляет всех от Каддафи, он не угрожает сближению Европы с Россией, и он снова ставит Францию на лидирующие позиции в ЕС. И ни польские, ни немецкие перья при этом не будут взъерошены.

Соединенные Штаты, как и Россия, не очень-то были довольны развитием событий в арабском мире (особенно в стратегически важном Египте), потому что существовавший до 2011 года порядок на Ближнем Востоке более или менее устраивал США. Гораздо

легче вести дела с диктаторами, которые находятся у власти десятилетиями и имеют сыновей, жаждущих занять их место. Далеко не ясно, что сейчас произойдет в Египте – да и в Ливии, коль уж на то пошло. Но Соединенные Штаты должны извлечь максимальную пользу из этой ситуации.

Россия, подобно арабскому миру, и в первую очередь Египту, созрела для перемен. К обеим странам применим один и тот же рецепт по изменению плачевного состояния дел: это коалиция левых и прочих оппозиционных сил (в России это в основном националисты, а в Египте – исламисты). Стратегия контрреволюции тоже аналогична: больше управляемой демократии, раскол революционных сил с опорой на кампании клеветы и очернительства с задействованием политтехнологов, а также тайные трюки («террористические» акты, вбрасывание ложных новостей, нестабильность валюты и ценных бумаг, нефтяные потрясения и т.п.)

Безусловно, египетские революционеры желают своим единомышленникам из России только успехов. Но сегодня политики в Москве (не говоря уже о Париже) наблюдают за провалами НАТО в Афганистане, а теперь и в Ливии, пытаюсь выработать политику, соответствующую их геополитическим потребностям вне зависимости от ее достоинств. И в этих условиях следует вспомнить о том, что Средневосточная оборонительная организация MEDO развалилась в момент, когда в Египте в 1952 году произошла революция. Не всегда есть возможность организовать подлинную революцию, соответствующую потребностям старого порядка и его зарубежных друзей.

http://www.inosmi.ru/middle-east-online_com/20110415/168454124.html